

25.12.91

16

В чинном и ухоженном швейцарском городе Цюрихе, в домике на тихой Шнееглогливег — улице Подснежников — щелкнула клавиша магнитофона, и мощный мужской голос заполнил комнату:

*Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.*

Хозяин дома Фриц Хермани, преуспевающий коммерсант, он же староста улицы, он же президент совета прихожан местной кирхи, недавно побывал в России и буквально «заболел» нашей страной, в том числе и нынешними ее бедами. В церкви Фриц показывал нам груды продуктов и ворохи одежды, приготовленные к отправке в одно из подмосковных сел. В доме его по вечерам звучат русские песни и чаще других — потрясающая баллада из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». История двенадцати разбойников и лихого атамана Кудеяра, ставшего святым подвижником, трогает сердца обитателей старинного района Альштеттен. «Ни-ко-лай Не-кра-сов», — по слогам повторил за мной Фриц имя русского поэта, родившегося 170 лет назад, лишний раз подтвердив, что высокая поэзия способна преодолевать и «хребты веков», и языковые барьеры. Слово Некрасова сопутствует акции добра и милосердия. Это закономерно и символично.

Мне вспомнился этот маленький недавний эпизод, когда в Музее-квартире Некрасова на Литейном проспекте мы беседовали с заведующей этим музеем — Еленой Юрьевной Глевенко. О чем спрашивают музейного работника накануне юбилея? Разумеется, о новых поступлениях, о планах. Поступления,

Лит 243етм9 - 1991 - 25дек (2571) - с.9

На Литейном, у Некрасова

конечно, есть. В нынешнем году приобрели даже четыре подлинных письма поэта — и я подержал в руках эти малоформатные, невесомые листочки, заполненные бисерным, почти неразборчивым почерком. Письма поэта к товарищу по охоте, вице-инспектору корпуса лесничих Николаю Васильевичу Холшевникову, не ахти как значительны по содержанию («Я приехал на днях и уже успел простудиться...»), но это рука Некрасова, это «свидетели живые» его времени. Как и столовое серебро с вензелем «Н. Н.», как и принесенный прямо «с улицы» совершенно случайными людьми том стихотворений Некрасова с его собственноручной дарственной надписью «Катерине Ивановне Цениной. 5 октября 1865 года».

И планы у музейщиков тоже есть. И даже мечты, с которыми, как полагают они, не следует расставаться и в очень тяжелые времена. Например, присоединить и освоить так называемую «ланаевскую половину»...

— Посетители к нам ходят, но в основном это школьники, ребята из ПТУ. Некрасов пока, слава богу, в программу входит, — говорит Елена Юрьевна. — Одиночек, приходящих «по зову сердца», совсем мало.

«Неюбилейный» это разговор, констатировали мы, но, увы, у себя на родине Некрасов сегодня не в моде. Дру-

гие — достойные и славные — имена твердит и повторяет молва. И виной тут в значительной мере тот самый школьный, программный, уплощенный образ поэта, который сопутствует нам с детства. Он вроде бы в каких-то общих чертах и соответствует действительности, но перечитайте лишний раз Некрасова — и вы убедитесь, сколь многое у него не укладывается в привычную схему. И сколь многое вместе с тем звучит жгуче современно:

*Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!*

Помните, поэты не любили «ш» и «щ», даже стихи сочиняли специальные, без этих неблагородных звуков? Надо было явиться Маяковскому, чтобы реабилитировать их. Но нет: раньше был Некрасов, не только реабилитировавший отверженных, но поставивший их на виду, на рифму, выделивший их. «Пишет стихи, будто палки ломает», — отзывался о нем критик-современник Н. Соловьев, не понимая, что речь идет о рождении новой эстетики, включающей в себя и дисгармонию, и диссонанс. Без Некрасова, без его художественных открытий не было бы не только Исаковского и Твардовского (что несомненно), но и Хлебникова, Слуцкого,

Самойлова. И Заболоцкого — не только позднего, но и раннего.

Мы открываем сегодня не только забытых и насильственно вычеркнутых из литературы. Мы заново перечитываем и прославленных, и увенчанных. Нам еще предстоит — как это ни странно — по-настоящему понять Некрасова. Об этом и шел накануне юбилейной даты разговор в его мемориальном музее, у которого, кстати, в эти же дни — свой юбилей: 45 лет со дня открытия. И были в этом разговоре тревожные ноты: как защитить, как уберечь нам наши литературные музеи, наши, как сказано у Даля, **сохранища** памяти и культуры перед лицом надвигающегося рынка?

Илья ФОНЯКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Некрасов И.